

**ИДЕИ Л.Н. ГУМИЛЕВА И СОВРЕМЕННАЯ
РОССИЙСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА**

Россия в последние годы, несомненно, переживает период возрождения интереса к геополитике не только в научном мире, но и в мире политики и общественных дискуссий. Этот интерес явился одним из результатов общественной трансформации, начавшейся в середине 1980-х годов. После многих десятилетий фактического запрета на открытые занятия геополитикой эта дисциплина стала одной из самых популярных, если не сказать модных, обществоведческих и идеологических направлений. Начиная с 1995 г. было опубликовано около 20 учебников по геополитике; появилось несколько новых концепций, ставших популярными; как академический курс геополитика преподается в крупнейших университетах России. Российские политики, включая чиновников и высших руководителей страны, широко обсуждают геополитические концепции и теории. Некоторые исследователи даже считают, что геополитика как термин сама по себе стала идеологией (*Цымбурский* 1999).

Одной из причин такого возрождения геополитики явилось глобальное геополитическое переустройство мира, в центре которого снова, как и в начале, и в середине XX столетия, оказалась Россия. К началу 1990-х годов, когда Советский Союз прекратил свое существование, государство радикально изменилось – экономически, политически, географически и идеологически. Оно утратило свой глобальный статус, разрушило существовавшую в обществе десятилетиями базовую систему ценностей и стало политически слабым. Не удивительно, что россияне начали лихорадочно искать концепции, которые указывали бы на возможные направления будущего развития страны и могли бы прогнозировать ее возможное место в мире. В то же время ослабевшее государство активно искало новые идеологические основания для массовой мобилизации и поддержки. С самого начала 90-х годов среди ученых, политиков и интеллигенции стали очень популярны попытки поиска или выработки новой "национальной идеи" (читай: государственной, объединительной). Очень похоже, что в последнее время геополитика практически монополизировала все эти цели и поэтому во многом стала неотъемлемой частью российского политического дискурса.

Следует заметить, что такая значимая общественная роль геополитики характерна отнюдь не для всех государств. Во многих странах Запада занятия геополитикой либо остаются уделом главным образом ученых, не вызывая серьезного резонанса, либо находятся под серьезным ограничением, если не под запретом. Последнее обстоятельство вызвано двумя главными причинами. Во-первых, в ряде государств по-прежнему действуют идеологические защитные механизмы, выработанные еще по итогам Второй мировой войны. Ярчайший пример здесь – безусловно, Германия. Во-вторых, многие государства на протяжении последних полутора столетий не раз сталкивались с той политической и идеологической мощью, с которой научные геополитические концепции "врывались" в мировую политику, кардинально меняя ее параметры, будучи претворены на практике. Естественно, желая монополизировать такое мощное оружие, государства в последние десятилетия стремились контролировать и использовать исключительно в своих целях возникавшие новые научные геополитические разработки.

Не вызывает никаких сомнений, что одной из теоретических основ бурно развивающейся российской геополитики стала неполитическая научная теория этногенеза Л.Н. Гумилева (*Гумилев* 1990). Пожалуй, можно утверждать, что это единственная тео-

Константин Эдуардович Аксенов – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной диагностики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета.

рия подобного свойства российского происхождения¹. Интересно, что судьба очень близко свела зарождавшуюся (возрождавшуюся) научную геополитику и самого Л.Н. Гумилева, занимавшегося совсем иным научным направлением. Как раз в те годы, когда Л.Н. Гумилев обрел, наконец, институциональную площадку в стенах кафедры экономической географии и Института географии Ленинградского госуниверситета, на той же кафедре, едва ли не в единственном месте в СССР, под организационным и научным патронажем С.Б. Лаврова стало развиваться еще одно идеологически "ональное" направление – политической географии и геополитики (*Каледин и др.* 1995). Будучи погруженным в уникальную для того времени научную среду, насколько сам Лев Николаевич мог иметь отношение к развитию геополитических идей?

Сегодня существует две позиции по поводу отношения Л.Н. Гумилева и его теории к геополитике.

Первая сводится к тому, что этот исследователь – не политик, никогда не писал о геополитике и не надо приписывать ему несуществующей роли. "Сам Гумилев не формулировал геополитических выводов на основании своей картины мира. Это сделали его последователи в период ослабления (а потом и отмены) марксистской идеологической цензуры" (*Дугин* 1997: 155). При жизни Лев Николаевич действительно подчеркнуто дистанцировался от политических сюжетов, в соответствии со своим часто декларировавшимся принципом "ближе XVIII века не заходить": «...формально Л.Н. был вне политики и много раз объявлял об этом: "Я не политик", "Не считаю возможным заниматься политикой", "Не знаю, что тут делать" и т.п.» (*Лавров* 2000: 347).

Согласно второй позиции, Л.Н. Гумилев – геополитик, один из основателей новой российской геополитики. Одни считают, что его идеи лежат в основании неоевразийства (*Нартов* 1999: гл. 5). Другие утверждают, что его теория этногенеза и этнических циклов явно продолжает линию "органицистского" подхода и отчасти "географического детерминизма", которые составляют суть геополитики уже у Ратцеля, Челлена, Хаусхофера и т.д. (*Дугин* 1997: 152; *Тихонравов* 1998: 306)². Третьи именуют Гумилева (вслед за ним самим (*Гумилев* 1991а)) "последним истинным евразийцем" (*Дергачев* 2004: 47).

Что из этого больше всего соответствует реальности, и какое отношение Л.Н. Гумилев имеет к современной российской геополитике? Чтобы ответить на этот вопрос, разделим его на две части.

1. Был ли Л.Н. Гумилев геополитиком? И главное – ответствен ли он в действительности за те идеи, которые выдают современные геополитики за его наследие?

Точку зрения о том, что сам Л.Н. Гумилев не высказывался на геополитические темы, можно назвать традиционной – даже те, кто причисляет его идеи к разряду геополитических, указывают на это. На самом деле это не совсем так. В его книгах и главных научных трудах повествование заканчивается эпохой Петра I. Однако в последнее время, "в период ослабления (а потом и отмены) марксистской идеологической цензуры" (*Дугин* 1997: 155), он часто рассуждал как в интервью, так и в публикациях (часто совместных) о геополитических событиях и процессах. «...Он высказывался о геополитической стратегии России конца XX века; правда, слова "геополитика" по-прежнему избегал, заменяя его "глобальной историей"» (*Лавров* 2000: 348). При этом он не оставался исключительно в рамках академической традиции, делая заявления, очень похожие на идеологические или геостратегические. Им, например, обсуждался процесс распада СССР, о котором он (в соавторстве) писал как о не запрограммированном в ходе этногенеза. Здесь авторы даже давали политическую оценку действий государства в противовес законам этногенеза, утверждая, что к этому результату привела политика игнорирования партией этносов. Еще один очевидно геополитический тезис – утверждение об этнической неоправданности интеграции в Европу (*Гумилев, Ермолаев* 1992). Можно возразить, что это написано соавтором, но имя Гумилева под данным текстом, несомненно, придаст этим идеям большую значимость для возможных последователей.

Сам Гумилев не раз указывал на предпочтительное для России геополитическое состояние и положение: "наша страна Россия, Евразия, СССР вместе с МНР" (Гумилев и др. 1990). Он ясно высказывался и за сохранение всего постсоветского пространства, и о государственном устройстве России: "лично я – за проверенный веками вариант устройства страны: за единую Россию, в которой было бы одно правительство, в одной столице – Москве. Местные бюрократии не нужны" (Гумилев 1991б, цит. по: Лавров 2000: 350)³. Опять-таки можно возразить, что эти высказывания малозначимы на фоне его прочего наследия. Так ли это для современной российской геополитики? Забегая вперед, можно сказать, что все эти тезисы активно обсуждались и обсуждаются современными идеологами геополитики в контексте именно идей Гумилева. Кроме того, нельзя не отметить, что главная теория в наследии Гумилева – теория этногенеза – во многом базируется на анализе именно политических явлений и процессов: войн, переворотов, государственного строительства, господства и подчинения и т.п.

2. Каково место идей Л.Н. Гумилева в целом в контексте российской геополитики? Как всегда при анализе геополитики, имеет смысл разделить академический дискурс и идеологию. Сделать это максимально точно всегда было нелегко, а в современной России – вдвойне. Связано это с тем, что геополитика в России стала с недавних пор признанной и уважаемой научной дисциплиной, что подталкивает различных политиков облекать собственные идеологические или политические концепции в академическую форму. К сожалению, наиболее популярным видом носителей подобной замаскированной идеологии стали учебники. Часто они не только извлекают из контекста и общей логики классических теорий удобные для себя идеи (например, Кузнецов, Никольский 1999), но и грубо искажают их (как Дугин 1997). Другие излагают чужие идеи более корректно, но снабжают их собственными идеологическими комментариями (Зюганов)⁴. К сожалению, некоторые из таких публикаций благодаря удачной форме подачи и маркетинга стали довольно популярными учебниками, и ошибки и искажения из них стали перекочевывать в другие учебники и публикации (ярчайший пример – уже упоминавшаяся публикация А. Дугина (Дугин 1997)). Причины развития подобной ситуации очевидны – форма учебника, с одной стороны, придает видимость истинности и солидности излагаемого, а с другой – позволяет легко пропагандировать свои идеи, "вербуя" новых сторонников и "вооружая" мотивацией старых. Тем не менее мы постараемся разделить академическую и идеологическую составляющие, насколько это будет возможно.

Можно с уверенностью утверждать, что идеи Гумилева прочно вписаны авторами российских учебников в геополитический контекст. Так, в учебнике Н.А. Нартова даже не глава, а целый раздел посвящен идеям Гумилева. Поскольку описание всей традиционной западной геополитики занимает там тоже только один раздел, очевидно, что значимость концепции Гумилева для автора учебника по геополитике чрезвычайно высока, и он едва ли остается в рамках беспристрастного академического аналитика (Нартов 1999). Значительное место идеи Гумилева занимают и в одном из самых недавних учебников (Дергачев 2004), и у одного из первых авторов учебных пособий (Дугин 1997). В большинстве учебников, в соответствии с описанной выше практикой, теория Л.Н. Гумилева используется главным образом для формулирования собственной идеологической конструкции или иной концепции на ее основе⁵. При использовании идей Гумилева в своих целях такие авторы, естественно, выбирают удобные для себя тезисы, часто не являющиеся центральными у самого Гумилева, и даже с легкостью приписывают ему собственные идеи. Несомненно, это свидетельствует о сложившемся авторитете имени Гумилева и превращении его в идеологический "товар". Приведем примеры. А. Дугин пишет: «Особенно важно утверждение Гумилева относительно того, что великороссы являются относительно "свежим" и "молодым" этносом, сплотившим вокруг себя "суперэтнос" России-Евразии или Европейской империи. Из евразийства Гумилева напрашиваются следующие геополитические выводы (которые он сам не делал по по-

нытным политическим соображениям, предпочитая оставаться строго в рамках исторической науки).

1) Евразия представляет собой полноценное "месторазвитие", плодородную богатейшую почву этногенеза и культурогенеза...

2) Геополитический синтез Леса и Степи, лежащий в основе великоросской государственности, является ключевой реальностью для культурно-стратегического контроля над Азией и Восточной Европой...

3) Западная цивилизация находится в последней нисходящей стадии этногенеза, являясь конгломератом "химерических" этносов. Следовательно, центр тяжести обязательно переместится к более молодым народам.

4) Возможно также, что в скором будущем произойдет какой-то непредсказуемый и непредвиденный "пассионарный толчок", который резко изменит политическую и культурную карту планеты, так как доминация "реликтовых" этносов долго длиться не может» (Дугин 1997: 154–155).

Здесь присутствуют примеры практически всех передержек – открыто декларируемое приписывание своих идей "классику", тенденциозная избирательность в выборе "главных" идей, намеренная идеологизация, маскируемая под "науку", и т.п. Чего стоит только заявление о том, что «в своих трудах Гумилев дает развернутую картину тезиса Маккиндера о "географической оси истории" и наделяет эту ось конкретным историческим и этническим содержанием» (Там же)?!

Вторя во многом А. Дугину, Н. Нартов приводит в своем учебнике по геополитике следующие выводы из теории Гумилева:

«1. Евразия является альтернативным Западу источником важнейших цивилизационных процессов. Западная цивилизация, стремящаяся навязать свои ценности Востоку, может привести к планетарным конфликтам.

2. Геополитический синтез Леса и Степи сформировал самобытную культуру, менталитет, государственность.

3. Лес (для Дугина и Нартова "Лес" является аналогом термина "западная цивилизация". – К.А.) является не "симбиозом", а скорее "химерой" этносов, так как находится на нисходящей ветви этногенеза» (Нартов 1999: 127).

Уже очевидно, что в российских идеологических геополитических конструкциях разного происхождения встречаются тезисы, заимствованные у Л.Н. Гумилева. Попробуем выделить основные. Среди **общих геополитических идей**, имеющих концептуальное значение, существенное в глобальном масштабе, назовем три главные.

1. Теория пассионарности, связи этноса с ландшафтом (евразийство), циклов этногенеза и этнической комплементарности как основы макрополитических процессов. Безусловно, эта центральная часть всей теории Гумилева заимствуется большинством идеологов в качестве одного из основных объяснительных законов мировой политики. Производная такого подхода – этноцентризм и часто "этнический детерминизм" таких концепций, многие из которых даже не рассматривают прочие доминанты мирового политического процесса.

2. Полицентризм мировой политики неизбежен. У мондиализма и атлантизма нет будущего. Дугин выводит это заключение из тезиса о том, что Евразия представляет собой полноценное "месторазвитие" и, следовательно, способна породить альтернативный полюс силы: «надо научиться рассматривать мировую историю не в однополярной оптике – "Запад и все остальные" (как это свойственно атлантической историографии), а в многополярной, причем северная и восточная Евразия представляют собой особый интерес, так как являются альтернативным Западу источником важнейших планетарных цивилизационных процессов» (Дугин 1997: 155). В отличие от Дугина, В. Мичурин исходит из своей оценки внутренних процессов на Западе и указывает на сокращающуюся пассионарность США и Западной Европы на фоне ее роста в других регионах: «Перспективы существования США в нынешнем непросто "псевдооднополярном" мире

связаны с тем, сможет ли американская политическая элита балансировать на тонком канате, не давая процессам, связанным с ростом пассионарности в различных регионах мира (прежде всего – в Евразии), перейти тот критический рубеж, когда контроль США над стратегически важными для них пунктами и источниками сырья будет утерян, что может подорвать глобальные военные и экономические позиции США» (Мичурин 2000б).

3. В развитие предыдущего тезиса некоторые авторы считают общечеловеческие ценности химерой, а их глобальное распространение невозможным. Так, выдвигается тезис о том, что последний пассионарный толчок произошел в XVIII столетии, и его последствия вскоре неизбежно разобьют моноцентрическую цивилизацию и приведут к постепенной эрозии и впоследствии краху "незыблемых общечеловеческих ценностей" (Мичурин 2002).

Помимо идей, носящих общий, универсальный характер, современные идеологи, опираясь на работы Гумилева, формулируют геополитические тезисы, важные только для России. Ряд из них уже описывались в литературе (Геополитическое положение 2000). Проследим их и мы.

Во-первых, это явственная тюркофилия во внешней политике, выступление за усиление связи с мусульманским миром (особенно – с Ираном) и осторожно – с Китаем (по: Колосов 2000: 26). Так, В. Мичурин оправдывает необходимость приоритетности связей с Ираном тем, что якобы именно в нем наблюдался особенно сильный рост пассионарности после описываемого автором пассионарного толчка XVIII в. (Мичурин 2002).

Во-вторых, разные политические силы, ссылаясь на идеи Гумилева, выдвигают прямо противоположные тезисы относительно религиозной составляющей политики России: движение за исламизацию России в противовес западному влиянию (идеи про-мусульманских политиков) (Геополитическое положение 2000: 26–27) или укрепление православной традиции как основы суперэтнической общности (неоевразийство – национал-патриотизм) (напр., Дугин 1997; Кузнецов, Никольский 1999 и др.).

В-третьих, общее для многих идеологов – представление о том, что исходя из теории Гумилева, для российской политики органичным является антизападничество. Тезис об этнической некомплементарности русского и западных суперэтносов в основе подобного убеждения у одних (Дугин 1997) и представления о новой волне роста пассионарности в Азии у других (Мичурин 2000) служат утверждениям о том, что интеграция в Европу невозможна, у России существуют принципиально иные интересы, чем у США и пр. (см. также дискуссию в: Колосов, Мироненко 2001: 167).

Из сказанного очевидно, что в российской геополитике существуют различные представления о геополитических следствиях из теории Л.Н. Гумилева. Попробуем сформулировать, в чем заключаются **противоречия и заочные дискуссии по идеям Гумилева**.

1. Существенные различия наблюдаются уже в отношении к самому использованию теории Л.Н. Гумилева в современных геополитических концепциях. С одной стороны, мы уже упоминали попытки полной интеграции этой теории в собственные геополитические конструкции и использование идей Гумилева в качестве своих центральных тезисов и доказательств (Дугин, неоевразийцы, национал-патриоты). С другой стороны, в ряде аналитических работ и у представителей демократического направления российской геополитики содержатся обвинения упомянутых сил в редукционизме, некорректной аналитике и некритическом соединении идей Гумилева со старыми неработающими концепциями (Гаджиев 1997; Колосов, Мироненко 2002; Туровский 1999).

2. В отношении к новой геополитической эпохе существуют принципиальные разногласия по многим позициям. Приведем некоторые из них.

а). Распад СССР одни рассматривают как закономерность и благо для российской политики (Коваленко 2001; Мичурин 2000а). Другие же считают его не обусловленным законами этногенеза и вредоносным для России (Гумилев, Ермолаев 1992).

б). При дружном отрицании возможности однополярного мира, одни, ссылаясь на Гумилева, говорят о грядущей биполярности (Дугин 1997), другие предвидят многополярный мир (Нартов 1999).

в). Рассматриваются различные проекты будущих стратегических альянсов России: с участием Китая и без; с мусульманским миром при различной значимости Ирана; только с ближними соседями, причем очень избирательно в каждом случае. Как указывает Дергачев, «ныне существует несколько геополитических разновидностей евразийства: Россия – Евразия как держатель Хартленда, "Евразийский конфедеративный союз", "евразийский остров", "евразийский мир" с осью Германия – Россия – Китай. Кроме того, великорусско-имперская разновидность евразийства стремится вернуть утраченный статус мировой державы, выступает против создания правового демократического государства, рассматривая мир как арену борьбы морских "атлантистов" (англоаксов) и континентальных евразийцев, представленных Россией и романо-германцами» (Дергачев 2004) (см. также: Геополитическое положение 2000: 26–28).

3. Значительно различаются выводы сторонников идей Гумилева в отношении территории и границ Российского государства. Ряд подходов на базе идей евразийства в целом упоминается в приведенной выше цитате. Представления о предпочтительности построения государственности в этноландшафтных границах российского суперэтнуса породили различные концепции о желательных государственных границах. Одни считают, что этноландшафтные границы суперэтнуса охватывают только территорию РФ и прилегающие районы компактного проживания русских (Ермолаев 2000б). Большинство же обсуждает возможность государственности РФ со странами СНГ, населенными комплементарными этносами. Главные разночтения возникают вокруг вопросов, является ли благом вхождение в общую государственность Украины и Казахстана. Так, Украина, с точки зрения Ермолаева, вышла за пределы российского суперэтнуса, и, следовательно, ее отделение – благо для России (Ермолаев 2000а).

4. Идут дискуссии и о геополитическом положении России и геополитических сценариях для нее на основе теории пассионарности. Для многих желательный сценарий геополитического развития России зависит напрямую от периодизации фаз этногенеза – от того, на какой из них находится сейчас русский этнос. Одни допускают, что он вошел в фазу обскурации (Коваленко), другие считают, что эта фаза инерционная (напр., Мичурин 2002). От фазы этногенеза, которую проходят различные соседние этносы, обсуждается желательность или нежелательность вхождения их в общую с Россией государственность и выбор государств-союзников: «сегодня, когда... решается вопрос о новом "собрании земель" вокруг Москвы, необходимо четко определить, какие "племена и народы" являются друзьями, а какие – врагами русского народа, кого можно принимать в состав российского государства, а кого должно оставить за порогом нашего дома – России». И далее: «сегодня, когда у России нет избыточных сил для активной экспансии и ассимиляции чужих этносов, необходимо определить естественные границы России, исходя из реальной этнодемографической ситуации» (Житин 1999).

Ермолаев указывал, например, что «для России любая интеграция с Казахстаном неизбежно выльется в дополнительные затраты российской пассионарности на компенсацию казахской обскурации. Такие затраты в условиях фазового перехода к инерции могут оказаться критическими. Значит, России пора отбросить ненужные "евразийские" сантименты, потому что в противном случае ценой стабилизации Казахстана вполне может стать дестабилизация России» (Ермолаев 2000б).

Все изложенное выше несомненно свидетельствует о том, что роль теории Гумилева для российской геополитики весьма значима и продолжает усиливаться. Оставим идеологические конструкции для политологического анализа, который не является нашей целью здесь, и обратимся к науке. Как же можно оценить результаты использования идей Л.Н. Гумилева с точки зрения развития геополитики как научного направления? Оставив за скобками обсуждение самой теории Гумилева, попробуем проанализировать

некоторые положительные и отрицательные моменты ее влияния на развитие российской научной геополитики. В приводимой таблице представлены в кратком изложении тезисы, которые мы прокомментируем ниже.

Таблица

Оценка использования идей Гумилева в геополитике

Плюсы	Минусы
1. Одна из очень немногих (единственная?) из российских концепций, претендующая на универсальность	1. Все работы мало связаны с современными научными школами
2. Претендует на измеримость и прогнозность	2. При этом анализ остается качественным и экспертным
3. Россия – один из главных фокусов концепции, наиболее разработанная проблематика	3. Максимальная идеологизированность в связи с этим, наука проходит испытание национализмом

Первое из упомянутых в таблице обстоятельств весьма существенно, когда изыскания в той или иной проблематике претендуют на научность. Во многом притягательность теории Гумилева для современных геополитиков можно объяснить именно уникальной универсальностью предлагаемых ею законов и закономерностей. Ведь крупнейшие и самые влиятельные направления политической мысли выросли именно из мощных неординарных научных концепций, появившихся в недрах прочих дисциплин. Чего стоят только результаты распространения в политических теориях биологических идей Ч. Дарвина или макроэкономических К. Маркса. Теория Гумилева имеет российское происхождение, революционное научное звучание и связанный с последним очевидный инновационный потенциал для дальнейших обществоведческих изысканий. Вполне закономерно, что современные российские авторы могут потенциально иметь конкурентное преимущество перед западными коллегами, будучи включенными в данную проблематику и претендуя на создание новых направлений в мировой научной геополитике. Тем не менее существенным ограничением для их успешности остается традиционная проблема российской науки – слабое или ограниченное использование потенциала мирового научного дискурса в своих построениях. Отдельные попытки связать концепции, основанные на теории Гумилева, с существующими мировыми теориями в одних случаях некорректно, без объяснений, опираются на старые, давно отринутые в мире концепции (см. напр., уже упоминавшуюся критику А. Дугина В. Колосовым: Геополитическое положение 2000: 26–28), в других вовсе игнорируют мировую практику, надеясь на некую "эксклюзивность". Совершенно очевидно, что при этом они теряют научную обоснованность, а следовательно, конкурентоспособность.

Второй тезис, упомянутый в таблице, связан с тем, что теория Гумилева демонстрирует кажущуюся измеримость общественных макропроцессов – то, чего так не хватает макросоциологии после К. Маркса. Действительно, теория этногенеза дает критерии анализа фаз развития, для которых характерны те или иные общественно-политические формы. Этим активно пользуются современные российские геополитики, делая свои весьма однозначные и жесткие выводы. Однако достоинство оборачивается своей противоположностью, когда новые теории начинают опираться на недостаточно обоснованные самим Гумилевым и фактически недоказуемые тезисы и концепции, типа новых пассионарных толчков. При явно недостаточной разработанности аналитической базы самого пассионарного толчка основывать на этом далеко идущие политические и тем более стратегические выводы, по меньшей мере, бездоказательно. При подобной научной базе другой исследователь с легкостью может найти другой "толчок" и, не затрудняясь доказательствами реальности его существования, делать прямо противоположные выводы. Для повышения конкурентоспособности собственных геополитических

ких идей российским геополитикам следует, видимо, озаботиться развитием собственно научной базы – теории этногенеза.

Для российских геополитиков, несомненно, важным достоинством теории Гумилева выступает разработанность в ней проблематики, связанной с Россией. Тем же обстоятельством объясняется и популярность именно в России теории Х. Маккиндера. Приспособленность теории Гумилева к формулированию стратегических выводов для России, равно как и возможность (как и в случае с теорией Маккиндера) обсуждать ее некое потенциально преимущественное положение, сделало эту теорию еще более востребованной здесь. Неизбежное зло при этом – стремление некоторых исследователей использовать последнее положение как центральное в своих концепциях. Как часто бывает в подобных случаях, научная состоятельность таких концепций становится подчиненной идеологии национализма и даже скрытого шовинизма.

В заключение можно еще раз констатировать, что теория Гумилева прочно укрепилась в качестве одной из основ российского геополитического дискурса. Несмотря на очевидные преимущества, которые ее использование может дать российской геополитической науке в виде очевидной инновативности, универсальности и пр., существуют и не менее очевидные опасности, уже проявившиеся в связи с ее применением. Думается, что успех российской научной геополитики в мире вполне мог бы быть связан с использованием идей Л.Н. Гумилева, если она сумеет преодолеть те недостатки, которые частично были здесь упомянуты. И последнее – самой большой опасностью на этом пути представляется характерный для российского общественного устройства в целом сильнейший этноцентризм – стремление рассматривать общественные процессы в первую очередь и главным образом через призму этничности. Теория Гумилева вполне соответствует данной традиции. Тем более важно науке преодолеть кажущийся многим в России таким естественным этноцентризм. Только тогда, когда отечественная научная геополитика сумеет концептуально и доказательно вписать идеи Гумилева о значимости этнического фактора в мировой геополитический дискурс и обосновать роль этнических факторов в мировой политике на фоне действия всех прочих, она сумеет занять то место, на которое подспудно претендует.

Примечания

¹ Если не считать евразийства, имевшего во многом политическое происхождение и имющее с теорией Гумилева общие идейные основания.

² Цитируемый текст впервые появился в книге А. Дугина, а годом позже – без ссылок и кавычек – под именем Ю.В. Тихонравова.

³ Подробное обсуждение геополитической составляющей во взглядах Л.Н. Гумилева можно найти в: *Лавров 2000*: гл. 14.

⁴ Несмотря на то что текст Зюганова формально не именуется автором учебником, стиль изложения позволяет условно отнести его к этой категории.

⁵ Исключением, пожалуй, являются представители демократического и аналитического подхода в геополитике (*Гаджиев 1997*; *Геополитическое положение 2000*; *Колосов, Мироненко 2001*; *Туровский 1999*).

Литература

- Гаджиев 1997* – *Гаджиев К.С.* Геополитика. М.: Международные отношения, 1997.
Геополитическое положение 2000 – *Геополитическое положение России: представления и реальность* / Под ред. В.А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000.
Гумилев 1990 – *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.
Гумилев 1991а – *Гумилев Л.Н.* Замстки последнего евразийца // *Наше наследие*. 1991. № 3.
Гумилев 1991б – *Гумилев Л.Н.* Мы живем в большой коммунальной квартире // *Неделя*. 1991. № 6.

- Гумилев, Ермолаев 1992 – Гумилев Л.Н., Ермолаев В.Ю. Горы от иллюзий // Вестн. высшей школы. (Alma Mater), 1992. № 7–9.
- Гумилев и др. 1990 – Гумилев Л.Н., Панченко А.М., Иванов К.П. Славянские ль ручьи сольются в Русском море? // Литературная учеба. 1990. № 6.
- Дергачев 2004 – Дергачев В.А. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
- Дугин 1997 – Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997.
- Ермолаев 2000а – Ермолаев В.Ю. Украина – Россия: исчезнувшее единство // Дети фельдмаршала. 2000. № 3.
- Ермолаев 2000б – Ермолаев В.Ю. Сумерки на голубом небе: Казахстан и "евразийские" легенды // Дети фельдмаршала. 2000. № 10.
- Житин 1999 – Житин Д.В. Об этнополитических границах России // Естественно-историческая специфика России и русские геополитические концепции. СПб.: РГО, 1999.
- Зюганов – Зюганов Г.А. География победы: основы российской геополитики // www.demosoc.ru.
- Каледин и др. 1995 – Каледин Н.В., Лавров С.Б., Лаверухин В.В. Политическая география в Санкт-Петербургском университете // География и современность. Вып. 7. СПб., 1995.
- Коваленко 2001 – Коваленко М.И. Учение Л.Н. Гумилева и пути развития России // Матер. междунар. конф. "Евразийство – будущее России: диалог культур и цивилизаций", 31 октября – 1 ноября 2001 г. Москва // www.gumilevika.ru.
- Колосов, Мироненко 2001 – Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Кузнецов, Никольский 1999 – Кузнецов Ю., Никольский В. Введение в теорию национальной безопасности. Алматы; Верный, 1999.
- Лавров 2000 – Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К, 2000.
- Мичурин 2000а – Мичурин В.А. Центральная Евразия: две перспективы для России // Дети фельдмаршала. 2000. № 4.
- Мичурин 2000б – Мичурин В.А. Химсыра однополярного мира // Дети фельдмаршала. 2000. № 6.
- Мичурин 2002 – Мичурин В.А. Грозит ли нам новое Великое переселение народов? (Пассионарный толчок XVIII в. н.э. и его последствия) // Учение Л.Н. Гумилева и современность: Матер. Междунар. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева / Ред. Л.А. Вербицкая (гл. ред.) и др. Т. 1. СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002.
- Нартов 1999 – Нартов Н.А. Геополитика. М.: ЮНИТИ, 1999.
- Тихонравов 1998 – Тихонравов Ю.В. Геополитика. М.: ЗАО Бизнес-школа "Интел-Синтез", 1998.
- Туровский 1999 – Туровский Р.Ф. Политическая география. М., Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.
- Цымбурский 1999 – Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4.

Special Section of the Issue: Gumilev's Lessons: Brilliance and Poverty of the Ethnogenesis Theory (guest editor: V.A. Shnirelman)

Lev Gumilev's books have been published widely and sold well for over fifteen years. There are universities bearing his name, and monuments erected to him in some cities. There are numerous authors eager to develop his ideas. His concepts are used by political parties and movements. His ideas carve their way into public schools and colleges. The terms he coined have enriched not only the academic, but also everyday lexicon.

What is remarkable in this light is that his *ethnogenesis* concept proves to be theoretically weak and few studies have supported it. His constructions come short against facts. Being uncritically disseminated, Gumilev's theories suffer from the lack of any thorough analysis that might help evaluate his ideas against the background of historical and ethnographic data and other academic theories. Paradoxically, an analysis of the kind is something that even those who aspire to develop Gumilev's ideas mostly do not venture into.

The discussion in this issue's special section is conceived as a step toward filling this lacuna. It puts to test Gumilev's ethnogenesis idea in the social and intellectual environment of contemporary Russia, and addresses the following issues: Do Gumilev's ideas meet the requirements of established scholarly knowledge? What are their relationships with new scholarly fields popular in Russia? Are there any links between them and right-wing ideologies? How do they affect public attitudes?

One cannot say that every ideology is harmless in contemporary Russia, which is still at the crossroads. V. Shnirelman argues that Gumilev's concept is by no means politically innocent. Being based on the now obsolete organic approach, it treats the ethnic group as an organic community that is superior to the individual. This understanding of culture favors authoritarianism, while providing it with an appropriate ideological argument. An organic approach to culture and society formerly made up the basis of the Nazi ideology, and, what is noteworthy, its proponents also referred to "pure scientific knowledge" that made it possible for the Nazis to commit horrible atrocities against human beings.

V. Koreniako's paper reviews the critique of Gumilev's ideas. The author demonstrates that many Soviet scholars treated Gumilev as a victim of the totalitarian regime and therefore avoided criticizing him. More often than not, their criticisms displayed the lack of understanding of, or unfamiliarity with, his works. The situation changed during the perestroika time, which witnessed a growth of the Gumilev cult up to the point of his ethnogenesis concept becoming a new dogma. Gumilev's theory was even perceived by some government officials as a new "organizing force" successfully replacing the Soviet ideology. Some critics, however, were alarmed by the perilous use of inconsistent hypotheses in practical politics.

The Second World War and the Holocaust made the racial approach unacceptable, so the right-wing radicals had to correct their views. According to M. Laruelle, in France the New Right abandoned the rhetoric of "biological realism" in favor of "primordialism" of ethnic cultures. Thus, biological racism was replaced by a new "cultural racism," which emphasized cultural incompatibility rather than racial inequality. Nowadays, its proponents stand against cultural rather than racial mixing. In the West, such theories, being similar to Gumilev's views in many respects, are shared by some conservatives and right-wing radicals. These theories are marked by latent xenophobia, which is masked by the attractive "right-to-be-different" slogan.

While having limited currency in the West, these views are more popular in Russia. In K. Aksenov's view, they are embedded in the discourse of a new fashionable academic discipline of geopolitics. Authors of geopolitics textbooks highly appreciate Gumilev's theories that are focused on the "laws of world history and politics". Such textbooks commonly manifest anti-Western attitudes, an imbalanced orientation towards the Islamic world, and/or an emphasis on the Russian Orthodoxy in form of the "Orthodox civilization". An idea of destiny based on so-called "complementarity" or "non-complementarity" of cultural relationships is deeply ingrained in this outlook.

The theoretical crisis that has paralyzed Russian scholarship might be overcome through the development of new non-orthodox approaches, rather than through the establishment of new dogmas loaded with xenophobia, anti-Western, and anti-immigrant attitudes.